

РЕГИМАНТАС АДОМАЙТИС

Сегодня нашу редакционную гостиную навесил известный актер, народный артист Литовской ССР, лауреат Государственной премии

Литвы Регимантас Адомайтис.

— Кинозрители страны знают вас по многим фильмам, театральные Литвы — по многим спектаклям. Можно считать, что вы довольны своей творческой дорогой?

— Гм... В кино — не совсем. Ловлю себя на мысли, что двигаюсь по замкнутому кругу схожих кинообразов. Если вдуматься, я играл и играю в основном американцев — в картинах «Вся правда о Колумбе», «Это сладкое слово — свобода!», «Авария», «Американская трагедия», «Кентавры», «Медовый месяц в Америке», «Мираж», «Трест, который лопнул»; да еще снимаюсь в фильмах «Богач, бедняк» (по роману Ирвина Шоу) и «Перелет через Атлантику» — оба делаются на нашей Литовской студии. Просто какой-то «кинематографический американец» на все случаи жизни. И роли в общем-то однотипны. И ведь не скажешь, что я легко соглашаюсь на съемки. Я, как правило, привередлив в выборе сценария, много размышляю над будущей ролью...

— Но разве не было у вас запоминающихся работ?

— Честно говоря, почти все сделанное мной в кино мне не нравится. За исключением разве что ролей в фильмах «Никто не хотел умирать», «Король Лир» и «Кентавры». Ну, может,

в какой-то степени и в «Аварии». Специфика кино — когда фильм вышел на экран, уже ничего нельзя переделывать. Поэтому театр мне ближе и дороже; в театре можно что-то изменить, задумать, довести. Театр — мой дом.

— И он был домом с малых лет?

— Да что вы, никто в нашей семье не имел к сцене никакого отношения. В школе я играл в драмкружке, ходил на все спектакли гастролерованных у нас в Пасвалисе (это городок около Паневежиса) трупп, играл и в университетском театре. Заканчивая физмат Вильнюсского университета, понял, что мое дело — сцена. И после университета поступил на актерский факультет Вильнюсской консерватории. Учился у профессора Ирэны Вайшите (она и сейчас руководит кафедрой актерского мастерства). По распределению попал в маленький театрик в Капсукасе. Там меня увидел Генрикас Вансвичюс и, когда капсукасский театрик закрылся, просуществовав всего полгода, перетянул в Каунасский драматический. Вансвичюс же увлек меня за собой в Вильнюс, в Театр литовской драмы, академический и академичный, опирающийся на классику.

— Диплом физика оказался ненужным?

— Увы, но, наверное, к лучшему. Иначе как бы я жил? Ну, преподавал бы в школе или даже в вузе или стал бы научным деятелем. Но — без подлинной любви. Плохо, когда нет любви. А у меня любовь — именно к театру.

— У вас есть «свой» режиссер?

— В кино мой второй «творческий отец» — Витаутас Жалакявичюс; он

Неделя, 1983, авг., №35.

привел меня в кино, он же и увелет (смеется)... В театре — Вансвичюс, мой первый «творческий отец». Все, что я представляю собой как актер, — от Вансвичюса. И, конечно, я никогда не забуду Григория Михайловича Козинцева. Тем более что в его «Короле Лире» я единственный раз говорил своим голосом...

— Кстати, почему вас все время дублируют?

— Видимо, режиссерам не подходит мой акцент. Но, знаете, дублирующий актер может даже украсить твою роль, что-то привнести в нее. И все же, помоему, надо больше доверять тому исполнителю, который на экране. Вот ведь грузинские режиссеры — они всегда доверяют произносить текст своим артистам, и ничего, фильмы от этого не сгорают, а зачастую и выигрывают.

— Вам не хочется самому стать режиссером?

— Нет, ни за что! Адова работа, страшная профессия! Нужны особые качества, с потолка их не возьмешь. Есть счастливицы, совмещающие актерское и режиссерское; но все же я сторонник Товстоногова, который убежден, что переквалификация актера в режиссера чаще всего убивает первого и не гарантирует рождения второго.

— А есть у вас ученики среди актеров?

— Какие ученики, если я сам учусь и учусь? В режиссуру и педагогику нужен приходиться со своими идеями, с поиском новых путей. Живой театр вообще не может не быть революционным. Но он должен обладать силой подлинного коллектива единомышленников... Меня формировала школа психологического реализма; при всей своей плодотворности психологический реализм, как мне кажется, требует се-

годня известного обогащения. Зритель приходит к нам с таким опытом и багажом информации, что ему не надо объяснять, сколько будет дважды два. Однако появился смысл доказывать со сцены, что дважды два — не всегда четыре, что параллельные прямые иной раз пересекаются, что у пространства четыре, а не три измерения...

— Как вы полагаете, каков ваш склад характера?

— Я человек сдержанный. Не люблю экзальтацию, ажиотаж. Грущу, когда грустно; радуюсь, когда радостно. Мои принципы: труд, мышление, самодисциплина. Тихие и строгие города я предпочитаю шумным и бурлящим.

— Репетиции, спектакли, съемки. Остается ли время хотя бы на отдых?

— Практически не остается. Вся жизнь — на колесах; ни разу не был в отпуске. А думаете, легко справиться с моей «командой»? У нас три сына, три «князя»: Витаутас (10 лет), Гедиминас (5 лет) и Миндаугас (2 года). Они носят имена знаменитых литовских князей, вот я так их и зову — мои князья... Слушайте, у нас же сумасшедшая семья! Мы с Эугенией почти не встречаемся, то она на съемках или на гастролях, то я (речь идет о жене Регимантаса, известной певице и киноактрисе Эугении Баерите; телезрителям она особенно понравилась в роли красавицы Джой Гастелл в фильме «Смок и Малыш»). Когда мы все в сборе, я отдыхаю, пусть лишь неделю, зато всей душой, — с семьей, с книгами. Книги — мои друзья, учителя и помощники. Читаю очень много и жить без чтения не могу...

В гостиную дежурил

Игорь ФЕЙН.

Фото Д. Флигелиса.